

Р. А. ГУСЕЙНОВ

СИРИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ  
ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ XI—XII ВВ. \*

Жизнь Византийской империи, тесно переплетенная с судьбами многих стран и народов Востока и Запада, постоянно привлекала внимание средневековых историографов, благодаря которым ныне специалисты достаточно хорошо осведомлены о внутри- и внешнеполитических событиях, имевших место в Передней Азии и Юго-Восточной Европе в XI—XII вв.

Среди различных групп источников имеется одна, которая, как нам представляется, еще в недостаточной степени используется для изучения истории Византии периода развитого средневековья. Это сирийские памятники письменности, свидетельства которых также помогают понять, почему империя в XI—XII вв. понесла весьма существенный экономический и военно-политический урон, способствовавший падению ее престижа и влияния, потере территорий и могущества.

В течение V—XIV вв., времени активного существования сирийской христианской историографической литературы<sup>1</sup>, на сирийском языке, бывшем средством общения значительной части переднеазиатского населения, проживавшего преимущественно в пределах Византийской империи, появилось немалое количество сочинений. Они содержат весьма интересные, нередко оригинальные, свидетельства о многогранной жизни средневекового Востока и отчасти Запада, начиная с первых веков н. э. до периода монгольского завоевания и господства включительно. Сочинения сирийцев ввиду важности содержащегося в них материала составляют определенный этап в эволюции средневековой восточной историографии.

Начиная с прошлого столетия ряд исследователей обратил внимание на данные сирийской группы источников, которые привлекают как относительной объективностью и толерантностью, так и добросовестностью и осведомленностью; эти нарративные памятники позволяют осветить социально-экономические, политические и этногенетические, конфессиональные и идеологические вопросы, народные движения и военное искусство, феодальные мятежи и взаимоотношения государств. Пальма первенства в использовании сведений сирийцев принадлежит русским ученым. Интерес к сирийским источникам все время нарастает, что нашло конкрет-

\* Статья носит характер краткого обзора, основное назначение которого — привлечь внимание византиноведов к сирийским источникам по истории Византии XI—XII вв.

<sup>1</sup> По истории сирийской христианской литературы средневековья см. следующие основные публикации: *W. Wright. A Short History of Syriac Literature.* London, 1894; *B. Pajm. Краткий очерк истории сирийской литературы.* СПб., 1902; *A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluß der christlich-palästinischen Texte.* Bonn, 1922; *R. Duval. La littérature syriaque.* Paris, 1907; *C. Brockelmann. Die syrische und die christlich-arabische Literatur.* Leipzig, 1907; *J. B. Chabot. Littérature Syriaque.* Paris, 1935; *G. Graf. Geschichte der christlichen-arabischen Literatur, Bd. I—V.* Città del Vaticano, 1944—1953; *I. Ortiz de Urbina. Patrologia Syriaca.* Romae, 1958.

ное проявление в специальных работах, историографических исследованиях, библиографиях и переводах.

В Советском Союзе большая заслуга в области становления и развития сириологии принадлежит Н. В. Пигулевской, которая впервые широко привлекла свидетельства сирийцев, причем гораздо раньше, чем их оценили по достоинству за рубежом. Благодаря многочисленным трудам Н. В. Пигулевской приоритет в изучении средневековой истории народов СССР, а равно Передней Азии, в том числе Византийской империи периода раннего средневековья, на материале сирийских источников принадлежит советской школе сириологов.

Данные сирийских источников важны уже потому, что они отражают точку зрения не официальных кругов, т. е. не государственную точку зрения, а своеобразную «сирийскую». Свидетельства сирийских писателей привлекают внимание также потому, что в силу своеобразного положения на стыке «чисто» восточной и «чисто» западной, в том числе византийской, историографии они занимали промежуточные с многих точек зрения позиции, что не могло не отразиться на характере изложения и интерпретации событий. В частности, кроме сирийских материалов, они имели доступ не только к греческим источникам, но также к арабским, персидским, армянским, тюркским, что позволяло сопоставлять мнения и толкования различных групп нарративных памятников. Вместе с тем сирийские авторы, о которых пойдет речь дальше, были действительно историками, понимавшими то, о чем писали, и знавшими важность описанного. Сирийские источники не только дополняют сведения других групп письменных памятников, но являются также самостоятельными авторитетами. Принимая активное участие в экономической, политической и культурной жизни средневековья, сирийцы в тот период жили на обширной территории от Египта до Китая и от Закавказья до Малой Азии. Умение осваиваться в конкретной обстановке, мобильность и восприимчивость сделали их наблюдательными и осведомленными, очевидцами или участниками многих событий. Вот почему сведения сирийцев — это, как правило, данные из первых рук.

Сообщения сирийских источников по истории Византии XI—XII вв. можно разделить на два разряда: те, что касаются жизни в самой империи, и те, что относятся к внешнеполитической деятельности василевсов. Для XI в., когда сирийцы находились еще в тесном контакте с империей, их свидетельства важны для изучения почти всех аспектов жизни Византии; они касались вопросов византийского управления на Востоке, описали столкновения ее официальных представителей с сирийской церковью (яковитской и несторианской), политику в отношении местного населения, поборы и гонения, притеснения и взаимоотношения с соседними государствами. Для XII в., когда сирийцы уже непосредственно не соприкасались с империей, они все меньше и меньше сообщают о внутренней жизни Византии, уделяя больше внимания внешнеполитической деятельности василевсов. Вместе с тем следует отметить, что сирийские писатели начиная уже со второй половины XI в. в своих рассказах смотрят на империю почти как на чужака, больше с позиций ординарных регистраторов и толкователей событий.

Среди сочинений сирийцев достойное место принадлежит «Хронике» Михаила Сирийца, «Анонимной хронике 1234 года», «Всеобщей истории» Бар Эбрея как первоклассным источникам по истории империи XI—XII вв., составленным в период, когда еще продолжались оживленные сношения сирийцев с Востоком и Западом.

«Хроника» Михаила Сирийца<sup>2</sup> (1126—1199) является сочинением од-

<sup>2</sup> Основное издание: *Chronique de Michel le Syrien*, éd. et trad. par J. B. Chabot, t. I—IV. Paris, 1899—1924.

ного из крупнейших представителей сирийской историографии. Уроженец Мелитены, он посвятил себя, согласно фамильной традиции, духовной деятельности и достиг сана яковитского патриарха Востока. Многие годы его жизни связаны с судьбами Византийской империи и Конийского (Румского) султаната; он принимал активное участие не только в конфессиональной, но и в политической жизни второй половины XII в. Известно, что император Мануил I Комнин дважды призывал патриарха в Константинополь; римский папа Александр III приглашал его принять участие в III Латеранском (вселенском) соборе; иерусалимский король Балдуин IV радушно приветствовал его в своей столице; киликийские и мусульманские венценосцы также старались склонить на свою сторону пастыря многочисленных яковитов.

Михаил Сириец оставил яркий след как в истории восточнохристианской церкви, так и в историографии, ибо был хорошо подготовлен не только к клерикальной, но и к писательской деятельности. Он знал, помимо родного сирийского, арабский и армянский языки, возможно, умел объясняться на турецком. Среди его сочинений нас привлекает обширная «Хроника», известная в дефектной сирийской рукописи XVI в., а также в многочисленных арабских и армянских списках нескольких редакций. По словам Михаила Сирийца, в его труд вошло то, что он сам видел или узнал от лиц, заслуживающих доверия, а также то, что он считал возможным позаимствовать из сочинений своих предшественников и старших современников. По истории Византии XI—XII вв. он нашел много интересного и важного у сирийских авторов этого периода — Игнатия Мелитенского, Василия Эдесского, Дионисия Бар Салиби, Иоанна Кишумского, а также у ряда арабских и армянских писателей, имена которых, к сожалению, не названы.

«Хроника» состоит из введения, 21 книги и 6 приложений. Книги XI—XXI охватывают период истории Византии, более всего связанный с судьбами сельджуков и крестоносцев. Сочинение относится к разряду работ типа «всеобщей истории» и начинается от «сотворения мира»; его универсализм вытекает также из метода автора, синхронно изложившего в трех параллельных столбцах события светской и церковной истории, а также хронику различных происшествий и необычных явлений.

«Анонимная хроника 1234 года»<sup>3</sup> — сочинение неизвестного сирийского монаха-яковита, составленное, по-видимому, в середине XIII в. Можно предполагать, что он был уроженцем Месопотамии, города Эдессы. Не исключено, что какое-то время он провел в знаменитой яковитской обители — монастыре мар Бар Саумы, где начинали свой путь клириков Михаил Сириец, а впоследствии Бар Эбрей. Возможно, что здесь и была составлена хроника, ибо монастырь мог предоставить не только кров и пищу, но также богатейшее собрание сирийских и иных рукописей, пополненное в XII в. стараниями Михаила Сирийца, бывшего несколько лет его настоятелем. Безвестный монах много путешествовал; известно, например, что он находился в Иерусалиме, когда город был захвачен в 1187 г. Салах ад-Дином.

Сочинение сохранилось в единственной дефектной сирийской рукописи XIV в. Оно распадается на две части: светская история начинается от «сотворения мира», а церковная содержит преимущественно изложение судеб западносирийской церкви, часто в связи с политикой империи. К сожалению, мы недостаточно осведомлены об источниках, из которых

<sup>3</sup> Русский перевод параграфов по истории раннесредневековой Византии из «Анонимной хроники 1234 года» см. в книге: *Н. В. Пугулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков.* М.—Л., 1946; основное издание: *Anonymi auctoris Chronicon ad A. C. 1234 pertinens*, ed. J. B. Chabot. — «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium», *scriptores Syri*, ser. III, t. XV, textus. Parisiis-Lovanii, 1916 (1917), t. XIV, versio, 1937; *A. S. Tritton, H. A. R. Gibb. First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle.* — «Journal of the Royal Asiatic Society», 69, 1933.

Аноним черпал сведения по истории Византии XI—XII вв. Можно лишь предполагать с большой долей вероятности, помня о его связях с обителем мар Бар Саумы, что яковитский монах воспользовался «Хроникой» Михаила Сирийца и другими сочинениями, хранившимися в монастырской библиотеке. Аноним составлен по принципу «всеобщей истории», но основное внимание уделено Передней Азии.

«Всеобщая история» Бар Эбрея <sup>4</sup> (1226—1286) принадлежит перу выдающегося представителя не только сирийской, но вообще переднеазиатской средневековой культуры. Бар Эбрей Абу-л-Фарадж Иоанн Григорий — уроженец Мелитены; он получил хорошее воспитание, знал несколько языков, в том числе арабский, персидский, один из тюркских, мог объясняться на монгольском. Бар Эбрей был ученым-энциклопедистом и оставил яркий след во многих отраслях науки и культуры. Не случайно, что как восточные христиане, так и мусульмане почитали его за многогранный талант и ученость. Бар Эбрей своими трудами полно представил сирийскую науку и культуру и являлся для сирийского мира тем, кем были Винсент де Бовэ или Альберт Великий для мира латинского <sup>5</sup>.

Бар Эбрей посвятил себя духовной деятельности, достиг сана мафрияна (примаса) яковитов. Будучи по положению «заместителем» патриарха, а в ряду случаев — местоблюстителем патриаршего престола, мафриан являлся главной фигурой в вопросах церкви на территориях восточнее Тигра. Он много разъезжал по Передней Азии, нередко встречался с владетельными феодалами и венценосцами. Наиболее плодотворный период деятельности Бар Эбрея как писателя связан с Азербайджаном <sup>6</sup>, где он составил на сирийском языке ряд работ, в том числе «Всеобщую историю» в двух частях, известную в нескольких рукописях. Здесь, в библиотеке города Мараги, ученый сириец имел благоприятную возможность, как он сам сообщает, ознакомиться с богатым собранием сочинений на трех языках (сирийском, арабском, персидском). В частности, известно, что Бар Эбрей использовал «Хронику» Михаила Сирийца, а также историографический труд своего современника, персидского автора Ала ад-Дина Ата-Малика Джувайни.

Важнейшая часть сочинения — «Светская история» была переведена с сирийского на арабский язык <sup>7</sup> (в переработанном виде) самим Бар Эбреем; она содержит вступление и одиннадцать разделов (частей) и посвящена изложению событий начиная от «сотворения мира». Вторая часть — «Церковная история» посвящена судьбам восточного христианства, в том числе взаимоотношениям византийской церкви с сирийской и другими.

Таким образом, все три названных памятника являются сочинениями типа «всемирной истории», что свидетельствует о зрелости сирийской историографии и подтверждает мнение, что Михаил Сириец, Аноним и Бар Эбрей по праву входят в плеяду лучших представителей сирийской, более того — переднеазиатской средневековой культуры. Вместе с тем, хотя они являются авторами сочинений одного и того же культурного и историографического круга, их источники информации о Византии XI—XII вв. в определенной степени разнятся между собой, о чем можно судить как

<sup>4</sup> Основное издание: *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890; см. также: *Barhebraei Gregorii Chronicon ecclesiasticum*, ed. J. B. Abbeloos et T. J. Lami. Parisiis-Lovanii, sectio prima, t. I, 1872, t. II, 1874, sectio secunda, t. III, 1877; *The Chronography of Gregory Abu'l Faraj, Commonly Known as Bar Hebraeus, Being the First Part of His Political History of the World*, ed. and transl. by E. A. W. Budge, t. I—II. London, 1932.

<sup>5</sup> *G. Sarton. Introduction to the History of Sciences*, t. II/2. Baltimore, 1931, p. 975.

<sup>6</sup> См.: *Р. А. Гусейнов. Бар Эбрей и Азербайджан. Из истории сирийско-кавказских связей. — Доклады АН Азербайджанской ССР*, т. XIX, № 3, 1963.

<sup>7</sup> Основное издание: *Abu-l-Faraj Ibn al-Ibri. Kitab muhtasar ad-duwal*, ed. A. Salihani. Beyrouth, 1890.

по содержанию и степени подробности рассказов о событиях, так и по методу изложения и стилю.

Среди сюжетов, занимающих этих авторов, нас привлекают в данном случае те, что посвящены жизни Византийской империи и ее взаимоотношениям с балканскими народами, куманами, печенегами, арабами, сельджуками, крестоносцами, с народами Закавказья и другими участниками событий XI—XII вв. В частности, Михаил Сириец, Аноним и Бар Эбрей с понятным чувством описывают судьбу ряда сирийских городов, население которых пострадало от византийцев (ромеев, как они называют их), тюрков и франков (как именовали европейцев на Востоке). Действительно, Эдесса, Антиохия, Мелитена и другие города неоднократно становились объектом завоевания и не менее разорительного «освобождения». Видя бессилие империи, местное население переходило к самообороне; так было в области Мелитены в середине XI в.<sup>8</sup> Вместе с тем мы узнаем о преследовании сирийцев-христиан константинопольскими патриархами, стремившимися принудить яковитов и несториан к признанию вероучения ромеев; так, описываются распоряжения о сожжении священных книг и церковной утвари яковитов (первая половина XI в.), а также о предании огню яковитской церкви в византийской столице (начало XII в.)<sup>9</sup>.

Для средневековой Юго-Восточной Европы и Передней Азии большое значение имел характер взаимоотношений Византии с балканскими странами; так, деятельность Василия II Болгаробойцы привела к временному пресечению политической самостоятельности Болгарии, но болгарский вопрос так и не был никогда решен империей в выгодном для нее аспекте. Во второй половине XI в. в Придунайской Болгарии отмечено восстание против византийского ига; еще в XII в. Мануил I Комнин вел борьбу с болгарями, осложненную, как и в предыдущем столетии, необходимостью отражать нападения сельджуков и крестоносцев<sup>10</sup>, присутствие и активность которых объективно способствовали успехам народно-освободительного и антифеодального движения на Балканах.

В XI—XII вв. Византию продолжали беспокоить с севера печенеги, которые порой вступали в контакты с другими врагами империи и совместными усилиями пытались нанести ей урон. Так, известны их рейды и вторжения с Дуная и из причерноморских степей, военный союз с знакомым и византийским писателям тюркским эмиром Чахой, который вознамерился использовать печенегов, неоднократно подступавших к византийской столице, для осады Константинополя с суши и моря. Правда, при Иоанне II Комнине опасность со стороны печенегов (которых сирийские источники именуют куманами) была ликвидирована, а сами они подчинены империи<sup>11</sup>.

Подробны и важны сведения о периоде, когда жизнь Византии была тесно связана с судьбами не только Передней Азии и Балкан, но и Западной Европы: волею обстоятельств империя оказалась принужденной вступить в многоплановые и долгие взаимоотношения с пришельцами с Востока и Запада, что затронуло многие народы и страны. Непосредственные контакты Византии с сельджуками относятся к первой половине XI в. и продолжаются вплоть до падения Константинополя в 1204 г. в период существования Лагинской и Трапезундской империй. Взаимоотношения имели в конечном итоге негативный характер, что проявилось преимущественно в военно-политическом плане.

После этапного для сельджуков и Передней Азии сражения при Данданакане (Средняя Азия) в 1040 г. они почти беспрепятственно проникали

<sup>8</sup> Chronique de Michel le Syrien, p. 573—575.

<sup>9</sup> Ibid., p. 576, 585—586.

<sup>10</sup> Ibid., p. 507; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 136—137, 144, 167, 212, 332.

<sup>11</sup> Chronique de Michel le Syrien, p. 600—601.

на запад, доходя до Санджара, Халеба, Мосула, Амида<sup>12</sup>. Империя отваживалась лишь на паллиативы: так, Михаил VI Стратиготик не нашел более действенного средства против опустошений на Черноморском побережье, как эвакуация населения. Поэтому Михаил Сириец, например, критикует нерешительность Византии, в результате которой сельджуки относительно легко проходили и хозяйничали в Армении, Сирии, Киликии, Малой Азии<sup>13</sup>, бывших сферой господства или влияния империи. Правда, василевсы пытались предпринимать более действенные меры, но уже первое столкновение с сельджуками на поле брани около армянского города Беркри в 1037 г. закончилось поражением византийского войска.

Причины нерешительности и порою отступления Византии перед новой внешней опасностью — сельджуками, а позднее и перед крестоносцами нужно искать в первую очередь во внутреннем положении страны. Экономическое, социальное и внутривластное развитие привело к тому, что самое могущественное государство Передней Азии в течение XI—XII вв. переживало важнейшие перемены в своих взаимоотношениях с окружающими народами и странами. В этом плане чрезвычайно знаменательно одно из решающих сражений — при Манцикерте 19 августа 1071 г.<sup>14</sup> Роман IV Диоген, создавший боеспособную армию и добившийся ряда тактических побед над сельджуками, выступил против великого султана Алп-Арслана. Но византийское войско, двинувшееся в поход, было остановлено и разбито. Михаил Сириец считает необходимым подчеркнуть, что сражение было проиграно империей ввиду религиозных разногласий между составными частями византийской армии и благодаря «хорошему единению тюрок». Автор видит одну из причин поражения ромеев также в том, что ими предводительствовал «жестокий и свирепый в своих действиях» император, не имевший широкой поддержки среди своих подданных, а ему противостоял «справедливый и делающий добро султан». Он добавляет, что «побежденные тюрками ромей никогда более не могли противостоять им, ибо император, сменивший на престоле неудачливого Романа IV Диогена, — Михаил VII Дука внимал «трусливым и изнеженным советникам, пребывавал во внутренних покоях своего императорского дворца и не выступал против тюрок»<sup>15</sup>. Если даже абстрагироваться от явно односторонней характеристики, данной Михаилом Сирийцем, тем не менее следует отметить, что потеря после 1071 г. значительной части Малой Азии, несомненно, была следствием истинного состояния империи и явилась для нее невозможной утратой как в экономическом, так и в военно-политическом аспекте. В итоге Византия почти лишилась возможности продолжать экспансию на востоке, а сельджуки, не встречая, как правило, организованного сопротивления, наоборот, сумели усилить продвижение на запад. Не случайно, что именно после Манцикерта на политической карте появился Конийский султанат, который принял на себя дальнейшую борьбу как с империей, так и вскоре с крестоносцами<sup>16</sup>.

Власть василевсов в Передней Азии и на Балканах была в значительной степени утрачена, и уже в этом возможно усмотреть связь между успехами сельджуков и процессом высвобождения стран Юго-Восточной Европы из-под византийского господства. Правда, на другом конце Перед-

<sup>12</sup> Ibid., p. 577.

<sup>13</sup> Ibid., p. 572—573, 577—578, 774; Anonymi auctoris Chronicon, p. 46; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 218, 231, 242.

<sup>14</sup> *Chronique de Michel le Syrien*, p. 577—579; Anonymi auctoris Chronicon, p. 46—47; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 246—249.

<sup>15</sup> *Chronique de Michel le Syrien*, p. 578—579.

<sup>16</sup> Ibid., p. 579, 586—589, 592, 596, 597, 601 sqq.; Anonymi auctoris Chronicon, p. 51, 54, 56—58, 60, 64, 66—67, sqq.; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 262, 265, sqq.

ней Азии — в Закавказье — итоги Манцикерта привели к иному результату: здесь взамен византийского владычества и влияния устанавливается сельджукское, которое удалось ликвидировать лишь в первой четверти XII в. благодаря усилиям местных государств, в первую очередь Грузинского царства Багратидов и государства атабеков Азербайджана — Ильдигидов.

Результат сражения 1071 г. на ряд десятилетий предопределил ход как западной, так и восточной истории, в том числе византийской. Последнему моменту не всегда придают должное значение, но исследование как сирийских, так и других восточных источников приводит к этому заключению. Дело в том, что в 1071 г. был решен вопрос о доминирующей силе в Передней Азии, и этой силой оказались сельджуки, что отразилось на судьбах многих стран, и притом не только восточных. Поэтому, если взглянуть на итоги Манцикерта несколько шире, нежели с позиций чисто византийской или тюркской истории, то напрашивается вывод о том, что сражение 1071 г. явилось одним из важнейших этапов всемирной средневековой истории.

Непосредственные контакты Византии с крестоносцами начались на рубеже XI—XII вв. и продолжались вплоть до взятия западноевропейскими рыцарями Константинополя. С появлением в Передней Азии крестоносцев события, связанные с ними, описаны Михаилом Сирийцем, Анонимом и Бар Эбреем с достаточной полнотой: сами походы, захваты в Сирии и Палестине, Малой Азии и Египте, временные союзы и почти перманентные столкновения с империей и сельджуками, политика Византии в отношении «освободителей гроба господня». Крестовым походам посвящены специальные главы, где рассказано о военно-политической деятельности рыцарей, одним из результатов которой было создание государств крестоносцев.

Пришельцы с Запада первоначально добились ощутимых результатов; не без помощи и советов ромеев они сумели сдержать и временно нейтрализовать сельджукскую экспансию, направленную против Византии, но впоследствии их активность больше нанесла империи ущерба, нежели принесла облегчение, ослабив ее перед лицом вновь нарастающей тюркской опасности. Благодаря крестовым походам в переднеазиатские и балканские события были втянуты европейские страны, и теперь история Передней Азии и Балкан, в первую очередь Византии, государств сельджуков и крестоносцев, теснейшим образом переплелась с событиями, происходившими на территории от Египта до Закавказья и от Средней Азии до Европы. Вместе с тем сирийские источники акцентируют внимание на том, что западноевропейское рыцарство очень скоро забыло об идее, приведшей их на Восток, и более всего помышляло о материальной выгоде своих акций<sup>17</sup>. В целом свидетельства сирийцев и других авторов уже давно привели к заключению, что в течение XII в. в Передней Азии друг другу противостояли две основные военно-политические силы — сельджуки и крестоносцы, чьи взаимоотношения были весьма важны для истории как Византии, так и тех государств Востока и Запада, которые оказались вовлеченными в круговорот событий.

Таким образом, Византия оказалась в гуще происходивших событий, но должна была в новых условиях рассчитывать не только на военную силу, но в не меньшей мере на дипломатическую игру, на свое умение лавировать в сложной ситуации, попеременно вступая во временные союзы со своими врагами и извлекая определенные выгоды. Особенно успешной представляется деятельность Алексея I, Иоанна II и Мануила I Комнинов, которые сумели добиться ряда важных побед над сельджуками и потеснить их в Малой Азии; они успешно действовали также на Балканах, в Италии,

<sup>17</sup> Chronique de Michel le Syrien, p. 604; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 275—276.

Сирии и Киликии. Возможно, что результаты были бы большими, не будь в империи, особенно в столице, политических и социальных неурядиц<sup>18</sup>. Тем не менее внешнеполитические акции этих василевсов свидетельствуют о том, что императорская армия была еще достаточно сильной и боеспособной.

Постепенное восстановление Византией своих позиций в Передней Азии, в частности ее успехи в царствование первых трех Комнинов, привело к тому, что Конийский султанат должен был предпринять срочные меры для пресечения активности императоров. Так Византия, пытавшаяся противостоять происходившим событиям, закономерно была подведена к следующему важному рубежу своей истории: вторичная попытка империи решительным образом покончить с тюркской опасностью завершилась трагедией 17 сентября 1176 г. при Мириокефале. Конийский султан Килидж-Арслан II разбил Мануила I Комнина. Описавший сражение сирийский автор специально отмечает, что против армии василевса были применены характерные для тюрков приемы: стремление бить противника на марше, по частям, не давать ему покоя ни днем, ни ночью; создание зоны пустыни на пути передвижения, для чего уничтожали крепости, деревни, съестные припасы, источники воды; в конце изнурительного пути византийских воинов ожидала ловушка в дефиле, где они во главе с императором провели ужасную ночь на виду у сельджуков, занявших господствующие высоты и имевших возможность уничтожить тех, кто находился внизу. Михаил Сириец считает, что сражения фактически не было; наутро Мануил I Комнин, не зная, что султан Килидж-Арслан II провел не менее тревожную ночь, опасаясь пойманных в ловушку, но вместе с тем достаточно сильных ромеев, заключил тяжелый мир<sup>19</sup>.

Исход встречи при Мириокефале позволил сельджукам надолго обеспечить себе безраздельное господство как в Малой Азии (до прихода сюда монголов в середине XIII в.), так и в некоторых других областях; Византия же навсегда должна была распрощаться со своими восточными владениями.

В целом Манцикерт и Мириокефале в значительной степени способствовали заключительному акту трагедии, разыгранному крестоносцами у стен византийской столицы в 1204 г., когда 12—13 апреля был взят штурмом Константинополь и империя временно исчезла с политической карты. Это событие также стало одним из важнейших во всемирной средневековой истории и нашло, как и сражение при Манцикерте, отзвук в жизни Востока и Запада. Учитывая совокупность событий XI—XII вв. и их последствия, можно говорить о том, что взаимоотношения Византии, сельджуков и крестоносцев способствовали в целом интенсификации развития средневекового Востока и Запада. Вместе с тем удается констатировать, что в условиях, когда взаимоотношения часто приводили к столкновению интересов различных групп господствующего класса феодалов, в конечном итоге страдало податное сословие, которое терпело не только от войн и походов, не только от увеличения феодальной эксплуатации и установления двойного гнета, но также от неурожая и эпидемий, роста цен и стихийных бедствий. В связи с этим следует отметить сведения сирийских источников о налоговом обложении и состоянии податного сословия, о конфессиональной политике империи, сельджуков и крестоносцев, о дороговизне. Например, сирийские авторы с ужасом описывают грандиозный голод, который охватил в 1037 г. «всю ойкумену», а также четырехлетний голод 1171—1174 гг., свирепствовавший в Сирии, Месопотамии, Палестине, Закавказье и Иране. Они неоднократно сообщают о многочисленных фактах продажи местных

<sup>18</sup> Chronique de Michel le Syrien, p. 612, 614, 621.

<sup>19</sup> Ibid., p. 715—716.

жителей и пленных в рабство, приводят цены на продукты первой необходимости, на лечебные снадобья; они пытаются показать, как в зависимости от состояния войны или мира колебался жизненный уровень<sup>20</sup>.

В целом важность сведений социально-экономического, военно-политического и конфессионального характера, содержащихся в сочинениях Михаила Сирийца, Анонима и Бар Эбрея, приводит к заключению, что настало время для более тесных контактов между византиноведами и сириологами: сириология может внести определенный вклад в дальнейшую разработку византиноведческой проблематики, предоставляя материал сирийской историографии, который позволит еще глубже и ярче представить историю Византии XI—XII вв.

---

<sup>20</sup> Chronique de Michel le Syrien, p. 583, 588, 600, sqq.; *Barhebraei Gregorii Chronicon syriacum*, p. 233, 234, 343—344.